

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ ИЗУМИТЕЛЬНО ПОВЕЗЛО...

Сегодня, когда о Выготском написана уже целая библиотека (правда, по преимуществу его коллегами и как о коллеге), возможно ли на этом фоне сказать что-то свое, незаемное, да еще не специалисту, не психологу? Думаю, что автору это удалось, потому что он выбрал единственно верный в данной ситуации ход — самостоятельно, шаг за шагом, пройти путем своего героя, приобщая читателей не только ко всем изгибам его судьбы, но, что особенно важно, и к движению его мысли. А результат — первый, по-видимому, опыт художественной биографии великого психолога.

Да, Выготский принадлежит к числу тех немногих, пожалуй, россиян XX века, общий приговор в отношении которых был столь единодушен: гений. Однако парадокс в том, что если имя его на устах у гуманитариев всех возрастов и направлений, то людям далеким от психологии, литературоведения или лингвистики его миссия представляется довольно смутно. И в этом смысле биографический очерк Игоря Рейфа может сыграть заметную роль в приобщении широкой аудитории к творчеству российского гения. Хотя, скажем прямо, на потребителей легкого детективного чтения он не рассчитан; у него другая «ниша». Но тех, кого волнуют настоящие, а не придуманные чудеса — а можно ли назвать в этом ряду что-либо сравнимое с человеческой

мыслью, — он не оставит равнодушными. И это чудо вынесено нам словно на тарелочке — в увлекательной беллетризированной форме, хотя и требующей, в отличие от дешевых детективов, известного читательского усилия. Но усилие окупается сторицей, когда мы вместе с автором погружаемся в исследованные Выготским глубины нашей «умственной кухни». Передать это ощущение нельзя — его можно только пережить.

И последнее, что хотелось бы сказать о представляемой мною работе. Учебника по психологии мышления студентам она, конечно, не заменит; но зато в ней можно найти нечто такое, чего не почерпнешь ни в каком учебнике — живой стереоскопический образ Выготского-человека, необычайно открытого и притягательного, невероятно обаятельного. Отечественной психологии изумительно повезло, что у ее истоков стоял именно такой человек. Создатель всемирно известной научной школы, Выготский оставил нам в наследство и свой человеческий стиль. Сейчас, с уходом из жизни его непосредственных учеников, на фоне резко изменившейся социальной ситуации, этот стиль выдерживает испытание на прочность — и будем надеяться, выдержит. Вот почему, наряду с пропагандой научных идей Выготского, так важно каждое живое слово о нем. А очерк Игоря Рейфа объемно, щедро, красиво совмещает в себе и то и другое.

Владимир Леви

МЫСЛЬ И СУДЬБА ПСИХОЛОГА ВЫГОТСКОГО

...И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.

Борис Пастернак

~ Глава 1 ~

В последнее десятилетие XIX века (плюс-минус три-четыре года) в России рождались гении. Нет, не нобелевские лауреаты — этих как раз среди них почти и не было, — а «просто гении», и плотность их появления на свет не может не вызывать изумления. Под это трудно подвести какое-нибудь рациональное объяснение, но, видимо, что-то критическое накопилось в воздухе Российской империи, и у обыкновенных родителей — тех, кто читал Достоевского, Толстого, Чехова, слушал музыку Мусоргского и Чайковского, посещал лекции Владимира Соловьева, Сеченова и Менделеева, выписывал «Отечественные записки» и «Русский вестник», не могли рождаться обыкновенные дети — хотя бы один на тысячу, один на миллион. Правда, их творческая зрелость прилась на не самые благополучные для России годы (оставим в стороне тех, кто, как астрофизик Георгий Гамов или изобретатель телевидения Владимир Зворыкин, уехал и не вернулся), так что горя почти все они хлебнули вдосталь.

В литературе это были Булгаков и Пастернак, Ахматова и Мандельштам, Цветаева и Маяковский. В музыке — Сергей Прокофьев. В физике — Петр Капица, Игорь Тамм и создатель теории расширяющейся все-

ленной Александр Фридман. В биологии — Николай Вавилов и Тимофеев-Ресовский, а также основатель отечественной гелиобиологии Александр Чижевский. В физиологии — автор теории построения движений человека и животных Николай Бернштейн. А в психологии...

Но о подобной аттестации своего отца дочери Льва Семеновича Выготского довелось услышать лишь много лет спустя после его смерти, да к тому же из уст его американского коллеги. «Надеюсь, вы знаете, что ваш отец для нас Бог?» — чуть не с порога объявил своей слегка смутившейся посетительнице приехавший в Москву профессор Корнельского университета Ю. Бронфенбреннер (*Выгодская, Лифанова, 1996, с. 16*).

Да, как это не раз уже бывало в отечественной истории, признание и слава пришли к Выготскому не в советской России (узкий круг учеников и последователей не в счет), а за рубежом, после перевода его книги «Мышление и речь» сперва на английский и японский, а затем и на многие другие языки. «Когда я открыл для себя его работу о языке и речи, я не спал три ночи, — признавался в письме к вдове ученого его коллега из Лондонского университета Бэзил Бернштейн. — Мы в долгу перед русской школой и особенно перед работами, основывающимися на традиции Выготского...» (*Выгодская, Лифанова, 1996, с. 15*). А Стивен Тулмин из Чикагского университета даже сравнил его с Моцартом («Моцарт психологии» — так называлась его статья, опубликованная в «Нью-Йорк ревю»).

Ах, если хотя бы тень от этих похвал дотянулась до самого Льва Семеновича, может, он и прожил бы чуть подольше, но...

От Рафаэля до Пушкина,
От Лорки до Маяковского
Возраст гениев — тридцать семь.

И если правда, что гению моцартианского склада не положено переступать назначенную ему свыше черту, то Выготский всей своей жизнью и судьбой как нельзя лучше вписывается в это романтическое прокрустово ложе. Десять лет редкой по интенсивности научной деятельности (около 150 научных публикаций, книг и статей) и ранняя, почти скоропостижная, смерть от туберкулеза в самом расцвете творческих сил. Даже свою последнюю, вершинную работу «Мышление и речь», где с таким блеском раскрыто чудо рождения индивидуального сознания ребенка, не успел увидеть напечатанной. А дальше — 25 лет полного, глухого забвения, когда не то что публиковать — ссылаться на работы Выготского было строжайше запрещено. Когда его дочь, в ту пору студентка психологического факультета, передавала однокурсникам сбереженные книги отца тайком, из-под полы. Удивительно ли, что и западный научный мир не знал о нем (в отличие, скажем, от Николая Вавилова), по сути, ничего, по крайней мере до 1962 года. А у нас вокруг его имени складывались легенды.

Грешно говорить «вовремя умер», но в случае с Выготским, увы, это именно так. Наверное, термин «педология» (дословно — наука о ребенке) немного скажет сегодняшнему неискушенному читателю, а между тем в достопамятные 30-е годы это было нечто вроде красной тряпки для ревнителей идеологического гомеостаза. Да, об этом как-то меньше помнят, но у психологов тоже была своя голгофа, как позднее у генетиков или языковедов. Бог, как говорится, уберег, и сам Выготский не до-

жил до всех этих грязно-разносных статей и брошюр, до шельмующих его расширенных ученых советов, как бы подготовлявших «снизу» постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»¹. Но чашу эту до дна довелось испить его ученикам и последователям, а это как-никак почти весь цвет отечественной психологии. Не представляя себе психологической науки без трудов Учителя, они вынуждены были излагать его идеи без цитат и без ссылок (вообразите на минуту, что учение об условных рефлексах распространялось бы без упоминания работ академика Павлова). А в итоге к началу 1950-х годов выросло целое поколение педагогов и психологов, даже не знакомых с именем Выготского либо знавших о нем понаслышке.

Однако сказать о Выготском «вовремя умер» — значит сказать только половину правды. «Вовремя родился» — это тоже о нем и как нельзя лучше отражает суть его взаимоотношений со своей эпохой. Да, Лев

¹ Увы, извращения были, да только психологи были здесь ни при чем — бал в педологии правили не они, а группа невежественных педагогов, которые составляли ядро этого немного искусственного направления, призванного (с прицелом на формирование нового человека — строителя коммунизма) собрать в один кулак весь спектр наук о развитии ребенка. Много лет спустя К. Чуковский поведал о тех гонениях, которые он претерпел в 20—30-е годы со стороны педантов-педологов, методично изгонявших мифологические и сказочные сюжеты из детских книг. Пролетарских детей надлежит воспитывать в духе трезвого реализма — вот унылое кредо, исповедовавшееся этими фанатиками. «Мало того, что они отнимали у детей и сказки Пушкина, и “Конька-горбунка”, и “Али-Бабу”, и “Золушку”, — они требовали от нас, от писателей, чтобы мы были их соучастниками в этом злом и бессмысленном деле» (Чуковский, 1958, с. 199).

Выготский действительно принадлежал к той части российской интеллигенции, которая приняла Октябрьскую революцию. Но ведь и Вернадский, и братья Вавиловы, и Капица тоже сотрудничали с советской властью. И, тем не менее, никак нельзя заключить, что без революции все они не состоялись бы как ученые.

С Выготским все по-другому. Из революционной идеологии он извлек то, что было по-настоящему близко ему по духу — методологию марксизма, пафос его материалистической диалектики (совершенно неоправданно списанной сегодня в архив заодно с утопическими социальными воззрениями). И на этой основе возводил уже здание собственной теории сознания и мышления, насквозь проникнутой идеей его материальной, причинной обусловленности. И хотя начало его формирования пришлось еще на «доматериалистическую эру» — его московский студенческий период выпал на 1913—1917 годы, — но в нем на редкость счастливо сошлись обе эти струи: обостренная рефлексия интеллигента «серебряного века» с его необъятной эрудицией и глубоко впитанным культурным наследием и деятельный пафос преобразователя и строителя революционной эпохи. Во всяком случае, та дерзость, с которой он, выходец из еврейской белорусской глубинки, провинциал и, в сущности, дилетант, берется без оглядки на авторитеты за решение сложнейших и почти не тронутых в ту пору проблем психологии, бесспорно отсюда.

Сохранились воспоминания людей, присутствовавших в 1924 году в Петрограде на первом публичном (в масштабах страны) выступлении Выготского — на 2-м Всероссийском съезде психоневрологов, куда он

был послан делегатом Гомельского ГубОНО, получившим «разнарядку» на одного практического низового работника. Не берусь судить, какой вклад в теорию и практику психоневрологии внес этот съезд, проходивший под флагом так называемой рефлексологии, или близкой к ней реактологии, — патронируемого на государственном уровне вульгарно-материалистического учения, исходившего из идеи полной реактивности психики и ее объяснимости на условно-рефлекторном уровне. Но вот в судьбу самого Выготского — решающий, и уже этим советская психология премного тому съезду обязана. Ну а сам «просвещенец», как именовали тогда рядовых работников педагогического фронта, подготовился к нему на совесть, представив на суд высокого собрания, где присутствовали, между прочим, и В.М. Бехтерев, и А.А. Ухтомский, целых три доклада, и один из них зачитал с трибуны. «Приехал никому не известный молодой человек из Перми (?) и сделал такой доклад, что потряс всех!» — седовласый профессор, рассказывавший об этом много лет спустя дочери ученого, перепутал биографическую деталь. Но доклад-то он не забыл и через четыре десятилетия! (*Выгодская, Лифанова, 1996, с. 18.*)

Впрочем, был в том зале и еще один внимательный молодой слушатель, не спускавший глаз с оратора, пока тот зачитывал по бумажке свое выступление. Подойдя к нему в перерыве, чтобы выразить свое восхищение, молодой человек случайно заглянул в этот сложенный листок и обнаружил, что он... пуст. Молодой человек этот, Александр Романович Лурия, впоследствии одна из величин в мировой психологии, занимал тогда пост ученого секретаря Психологического института при 1-м МГУ

(нынешнем Московском университете) и обладал, как сейчас говорят, некоторым административным ресурсом. Именно он и уговорил своего шефа, главного «реактолога» страны профессора К.Н. Корнилова, пригласить в Москву никому неведомого провинциала.

Приглашение Выготский принял и уже через несколько месяцев поселился вместе с приехавшей вслед за ним молодой женой в подвальном помещении того самого института на Моховой (никакой лучшей площади предложить ему в тот момент не могли), где ему предстояло теперь и жить и работать. Формально — под началом 22-летнего Лурии, несмотря на молодость снискавшего себе уже некоторую известность в своей науке (ему патронировал Бехтерев, с ним переписывался сам Фрейд).

Но очень скоро ведущий и ведомый поменялись ролями. И не потому, что Выготский был несколькими годами старше. И Лурия, и другой столь же юный его коллега, а впоследствии не менее знаменитый Алексей Николаевич Леонтьев сразу же обнаружили в нем такой запас свежих идей и такую зрелость мысли, которая далеко опережала их собственную. И именно это, а не положение, не должность, сделали начинающего «мэ-нэса» — научного сотрудника II-го разряда — признанным интеллектуальным лидером, к которому потянулась одаренная молодежь. Так сложилась знаменитая «тройка», переросшая затем в «восьмерку». Разница между «учителем» и «учениками» составляла порой 3—4 года, и, тем не менее, и тогда и потом, маститыми, семидесятилетними, все они неизменно смотрели на него снизу вверх, хотя сам он никогда и ни на кого сверху вниз не смотрел — это было органически невозможно для его натуры.

Содержание

Отечественной психологии изумительно повезло... (В. Леви)	3
Мысль и судьба психолога Выготского	5
«Благодарю тебя, любовь...» К истории одного автографа Л.С. Выготского	100
Список литературы.....	109

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru